

Э. М. РОЗЕНТАЛЬ

Тайна Макса Волошина

<Фрагменты>

Вечерами мы подолгу беседовали с Марией Степановной. Все больше о Максе.

— Маруся, а как вы проводили время зимой?

— Мы уставали за лето от многолюдных сборищ так, что зиму ждали, чтобы отдышаться, собраться с новыми силами и мыслями. И книги, книги. И борьба за существование, за тепло, за пропитание. Макс таскал воду из колодца, колот дрова, растапливал печурку в кабинете. При сильном южном ветре дым шёл прямо в комнаты. Когда нужна была какая-то книга, он закутывался в плед и лазал по стеллажам промерзшей мастерской. Иногда дом заметало снегом, и мы отсиживались в нем, как полярники, зима всегда была спартанским периодом. Зато очень хорошо думалось. О людях, о вселенной. Хорошо творилось. <...>

Я нередко представляю себе зимнее одиночество Макса и тяжёлые думы, одолевавшие его в долгие ненастные вечера, зима в Коктебеле неласковая. Поделился как-то этими мыслями с Марией Степановной. Она возразила:

— Ты неправ. Без этих трудных зим не было бы и Макса. Историческая насыщенность здешних мест, — а в Киммерии, ты же знаешь, можно обнаружить следы скифов, эллинов, византийцев, турок, да и сам пейзаж Коктебеля, особенно строгий в зимнее безлюдье, — воспитывали его дух, придавали мыслям глубину и оригинальность, что отражалось затем в стихах:

Я сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединенье выплавить свой дух
И выстрадать великое познание.

И выстрадать великое познание! Чем до Макса занимались лучшие умы России. Что нового, казалось, мог после них привнести в своем крымском уединении поэт Максимилиан Волошин?

— Скажи, Маруся, кто из крупных писателей с философским уклоном оказал, по-твоему, наибольшее влияние на Макса?

— Макс был в чтении всеяден, с юношеских лет зачитывался очень многими известными и неизвестными авторами, труднее сказать, кого он не читал. И каждый, кто больше, кто меньше, служил ему источником познания, помогал вызреванию его творческого характера. Из всех он выделял Достоевского, ещё, пожалуй, Владимира Соловьева...

Она права, в свое время Макс находился под сильным влиянием Достоевского. В стихотворении «Трихины», посвященном ему, поэт писал:

Ваятель душ, воззвавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчеством, тоской объят,
Ты говорил томимым нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех пред всеми виноват.

Макс, сам пророк, поражался пророчествам Достоевского в отношении будущего России. «Я не мог не представлять себе, — писал Достоевский, — как будет жить человек без Бога и возможно ли это когда-нибудь. Сердце мое решало всегда, что невозможно; но некоторый период, пожалуй, возможен. Для меня даже нет сомнений, что он настанет». На глазах Макса такой период настал: вместе с другими ценностями прогресс науки отринул и Бога. Был Макс солидарен с Достоевским и в оценке западного мира, в котором «нет братского начала, а напротив, начало единичное, личное, непрерывно обособляющееся». И оба были убеждены в том, что обновление миру должна принести Россия: «Может быть, главнейшее предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества, — предрекал Достоевский, — и состоит лишь в том, чтобы сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время — явить этот образ миру, потерявшему пути свои!» Христос для него — это совесть, бессребреничество, братство. И в этом Макс был с ним согласен.

Близок Макс в мыслях и к Владимиру Соловьеву, он увлекся им, находясь в среднеазиатской ссылке. Именно Россия, соединившая в себе Запад и Восток, обязана, считал Соловьев, устранить многовековой раздор между ними, примирить их в себе. «Изначала, — писал он, — провидение поставило Россию между нехристианским Востоком и западной формой христианства. Россия с решительным успехом отстаивает себя и от Востока, и от Запада, победоносно отбивает басурманство и латинство. Эта внешняя борьба необходима для внешнего сложения и укрепления России, для образования её государственного тела. Но вот эта внешняя задача исполнена, тело России сложилось и выросло, чуждые силы не могут поглотить его — и старый антагонизм теряет свой смысл. Россия достаточно показала Востоку и Западу свои физические силы в борьбе с ними, теперь предстоит ей показать им свою духовную силу в примирении».

И все же я не упоминал бы все это, хорошо известное, если бы Волошин был только последователем своих знаменитых предшественников; со временем он освобождался от их влияния, его мысль становилась более чёткой и оригинальной. Я бы сказал, более близкой живой практике. Этим поэт, безусловно, обязан революции, она, в сравнении с годами мирного развития, продвинула мысль Макса на десятки лет вперед, серьёзно скорректировала его мировоззрение.

Какое-то время он ещё ищет ответ на коренные проблемы мироздания у Достоевского, но в отличие от его интерпретаторов, современников писателя, ищет этот ответ не в религиозных мыслях старца Зосимы и послушника Алеши из «Братьев Карамазовых», а в бреде Раскольникова в Сибирском остроге в финале «Преступления и наказания». В статье «Русская бездна» Волошин цитирует дословно частицу этого «бреда». Раскольникову чудится, «будто весь мир осужден в жертву неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу; появились какие-то новые трихины — существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас бесноватыми и сумасшедшими». И тут же Макс добавляет: «Видение Раскольникова заканчивается словами для нас ещё смутными, потому что пламя истории пока не выявило их». И приводит эти слова: «Спаستись во всем мире могли только несколько человек. Это были чистые, избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видел этих людей, не слышал их слова и голоса».

Действительно смутно! Но хочется обратить внимание вот на что: Волошин ищет ответ не у позднего Достоевского, пришедшего после долгих колебаний к Богочеловеку, а у Достоевского, ещё раздираемого сомнениями и пытавшегося отыскать будущее в действиях самих людей, которых, правда, «пока никто не встречал». Это было время «бесов», но в бесовском шабаше должны, по убеждению Волошина, появиться «чистые» существа — пусть поначалу единицы, — воздействующие на историю не через ненависть и кровь, а через любовь и добро. Не отсюда ли исходит и волошинское «преосуществление» человека? Но уже не по Достоевскому с его «явлением образа Христа миру, потерявшему пути свои», а путем изменения человечества силами самого человека. Через внедрение той мечты, что дал миру российский Октябрь.

С тех пор трихины массового бесовского шабаша не раз обрушивались на мир. В виде войн, бунтов, революций, а ныне — массовой культуры, убивающей интеллект и отвергающей общечеловеческую мораль. <...>

Я часто вспоминаю наши беседы с Марией Степановной, они помогали мне понять Макса. И сохранять жизненный оптимизм. Вобрав в себя наиболее полно общечеловеческую культуру, поэт Волошин мысленно

жил в будущем. Марина Цветаева писала, что останавливалась перед ним в изумлении, не в силах разгадать его тайну. Читая Волошина, соглашаешься со справедливостью этих слов, ведь с тех пор, как поэт ушёл, утекло так много времени, а он все ещё остается тайной, не разгаданной до конца. Трудно не изумляться ему, из него можно черпать, как из бездонного колодца и всякий раз находить что-то новое и снова изумляться. А между тем, по объему своему его творчество, материализованное в стихах и статьях, совсем невелико. Но каждая строка — монолит. <...>

Мне трудно согласиться с утверждением серьёзного исследователя творчества Волошина, Эммануила Менделевича, о религиозно-мистическом подходе поэта к действительности, «весьма адекватном, во всяком случае — гораздо более адекватном, чем, так называемый, «научно-атеистический». Да, в «Каине» Макс не раз упоминает Бога, беседует с ним и даже выступает от его имени. <...>

Вещая голосом Бога с призывом к людям очнуться, поэт тут же обращается к науке и уже в самом появлении жизни на Земле исходит не из библейских семи дней создания, а из того, что

Вначале был единый океан,
Дымившийся на раскаленном ложе,
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть.

И никакого намека на Адама с Евой и на первородный грех. Зато есть «наш пращур, что из охлажденных вод свой рыбий остов выволок на берег». Потом «чудовищные твари размножались, а человек невидим был среди земного стада». Пока «огонь зажженного костра не оповестил зверей о человеке». Живущем с природой воедино:

Он мыслил небом, думал облаками...
Он видел солнце, грезил сны луной,
Гудел планетами, дышал ветрами.
И было всё — вверху, как и внизу —
Исполнено высоких соответствий...
Мир отвечал размерам человека,
И человек был мерой всех вещей.

И далее:

Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сторающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посреди необратимых струй...
Всё бытие случайно и мгновенно.

Явленъя жизни — мелкий эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознание — вспышка молнии в ночи,
Черты аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.

Достаточно задать себе вопрос, совместим ли религиозно-мистический подход со «случайным пролетом птицы» или со «случайной солнечной за-вертью», чтобы понять: «Путями Каина», произведение самое зрелое в творчестве Волошина, создано бесспорно с позиции научно-материалистической. Но был ли Макс атеистом? Когда я однажды высказал такое предположение, Мария Степановна не возмутилась, но ответила твердо: конечно, не был, он постоянно молился и за верующих, и за неверующих, за жертв и палачей. Как я сама молюсь за вас, грешных. Я не спорил, но она меня не убедила, чем ближе я познавал Волошина, тем всё больше воспринимал его для себя не человеком религиозным, но высоко ценившим религию, а точнее — все религии, принесшие людям очень схожие моральные постулаты: возлюби ближнего, не убий, не укради и прочие. Макс был одновременно идеалистом и материалистом, для него не существовало непреодолимой стены между духом и материей, и он свято верил в силу материального воздействия молитвы и покаяния. Да, впрочем, он об этом и сам сказал: «Чувства и мысли такие же реальности, как и предметы физического мира, нечистые мысли загрязняют атмосферу, чистые — очищают». Современные научные исследования близки к подтверждению этих слов.

Большой друг Макса, феодосийская учительница Александра Михайловна Петрова, высоко ценила его как поэта и человека и сетовала на единственный Максин недостаток, он тянул с принятием православия, она его уговаривала, он ей обещал. А в одном из писем к Марине Цветаевой объяснял ей, как он сам воспринимает Бога: «Что есть Бог? В твоих словах я вижу отношение к Богу, как к какой-то высшей и чужой силе. Но есть и другое отношение к Богу, чувство Бога в себе».

* * *

И вот что интересно: чем глубже я внедрялся в поэта Волошина, тем всё ближе в моем собственном сознании он сочетался с Марксом, причем, в самом для обоих сокровенном, а именно, как сейчас принято коряво выражаться — человеческом факторе, а проще говоря, в цели самой жизни. В Московском институте международных отношений, где мне довелось грызть гранит науки, серьезное место отводилось изуче-

нию марксова «Капитала». Лекции по нему нам читал один из лучших знатоков Маркса профессор Михаил Александрович Лившиц, близкий приятель моего отца, в начале 30-х годов они вместе работали в журнале «Литературный критик». Так вот, на первом же занятии он предупредил, что хотя будет говорить о «Капитале», Маркс останется для нас непознанным, если мы не ознакомимся с его ранними сочинениями, где юноша, а затем молодой человек, рассуждает о смысле истории. Позднее Маркс с головой ушёл в проблемы экономики, в «Капитал», однако его антропологические взгляды на историю, как процесс преобразования человека и в целом — человечества, изменений не претерпели.

По Марксу: «Коммунизм — это «практическое восстановление человека», «Обновление человека», «Усовершенствование человека», «Обратного отвоевания человека». Не это ли эквивалент волошинского «Преосуществления человека»? Или — «Возвращения к человеку, как мере всех вещей»? Не расходится Волошин с Марксом и в том, как конкретно осуществляется этот процесс усовершенствования-преосуществления? Маркс: «Природа человека устроена так, что он может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников во имя их блага». Для чего необходимо устранить частную собственность, превратившуюся из средства к жизни в саму её цель. «Поэтому на место всех физических и духовных чувств — снова Маркс — стало простое отчуждение всех этих чувств — чувство обладания... А потому уничтожение частной собственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств». Макс Волошин выразил то же стремление к «обладанию» двумя поэтическими строчками: «Вы отдали — и этим вы богаты — Но вы рабы всего, что жаль отдать».

Нет, боже меня упаси, я вовсе не хочу превратить поэта Волошина в марксиста, просто проблема смысла жизни не применима к биркам партийности, она общечеловечна. Именно на этой общечеловеческой почве он нашёл общий язык с Марксом. И у максова Града Божьего, и у марксова Коммунизма общим фундаментом служит Гуманизм. И это ответ на то, почему люди, с порога отвергающие идеал коммунизма и пытающиеся ухватить смысл истории, неизбежно упираются в тот же, назовите его, как хотите, коммунизм, выше которого человечество в мыслях и мечтах о будущем не поднялось.

* * *

И вот что важно: Град Божий или Коммунизм, — дело ведь не в названии, а в сути, — не были: для Волошина некой четкой государственной системой. Для него — это мечта-цель человечества о высшей справедливо-

сти. Гадать же, как всё будет выглядеть в системных деталях — пустая затея. Но в любом случае никакая система не будет окончательной, для процесса познания предела не существует. Любой временной период, будь он даже столь же коротким, как отведенный человеку срок жизни, имеет свой смысл. Для Макса это История, которая со временем или за гранью времени, пройдя через суровые испытания, расставит всё на свои места. И потому он приветствовал тот её отрезок, который ему довелось пройти: «Я могу быть только глубоко благодарен судьбе, удостоившей меня жить, мыслить и писать в эти страшные времена, нами переживаемые». В этом сила творчества Волошина, он не протестует против «страшных времен», не проклинает их, а принимает их такими, как есть:

Я Вечный Жид. Мне люди — братья.
Мне близки небо и земля.
Благословенное проклятье!
Благословенные поля!
Туда — за грань, к пределам сказки!
Лучи и песни, и цветы
В полях люблю я только краски,
А в людях — только бред мечты.

Той самой мечты, что дала человечеству его Родина: «Мечтой врачует мир Россия». Сегодня, когда судьбы мира по-прежнему раздираются глубокими противоречиями, волошинский «Град Божий», его общество гуманизма, всё ещё воспринимается как несбыточный миф. Но что такое миф? вспомните, как Макс сожалел об утрате человечеством «способности к мифотворчеству», которым обладали мудрецы Древнего мира. Она позволяла им в воображении видеть невидимое будущее.

Ныне миф стал у нас понятием сугубо отрицательным, обличающим несбыточность фантазии. Да, с позиций нынешних реалий доказать его состоятельность невозможно. Но и опровергнуть тоже нельзя, он уходит за грань времени. И я согласен с одним из талантливейших писателей Франции, Роменом Гари, вложившим в уста героя книги «Повинная голова» мудрый совет: «Надо заново мифологизировать мир! Иначе человечество вконец освинеет». К счастью, как хорошо сказала Мария Степановна Волошина, «всех не охрючишь».

<2012>

